

18+

Арсений Самойлов

Любовь и отрицание

Пьеса в пяти действиях

Арсений Самойлов
Любовь и отрицание.
Пьеса в пяти действиях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70259872

ISBN 9785006208902

Аннотация

Генрих – английский денди, шокирующий своими взглядами свет и влюбляющий в себя юных девушек. Классическая комедийная пьеса, наполненная британскими остротами.

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Любовь и отрицание

Пьеса в пяти действиях

Арсений Самойлов

© Арсений Самойлов, 2024

ISBN 978-5-0062-0890-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Генрих, маркиз Уинчестер – молодой человек, денди, одет по последней моде, племянник маркизы Уинчестер (тети Агаты)

Маркиза Уинчестер (тетя Агата) – тетя Генриха, тучная пожилая дама благородного вида, подруга герцогини

Герцог Норфолк – пятидесятилетний хозяин замка, герцог Великобритании

Герцогиня Норфолк – сорокалетняя жена герцога

Сесилия – молодая девушка, дочь герцогов, живет в городе рядом с замком со своим мужем

Гасси – молодой человек, муж Сесилии, пишет стихи

Алисия – девушка 18 лет, сирота, взятая маркизой Уинчестер на воспитание

Мадлен и Элизабет – юные девушки, дочери друзей герцогов, временно гостят в замке

Доктор Уорелл – семейный врач герцогов

Дворецкий, слуги

Действие первое

Поместье герцогов. Гостиная замка. Высокие потолки, огромные арочные окна, картины на стенах с сюжетами про охоту и портреты великих предков герцогов Норфолк. Вечер. Большой стол, камин. Сидят маркиза Уинчестер, герцог и герцогиня Норфолк, Алисия, Мадлен и Элизабет. Входит Генрих, маркиз Уинчестер.

Генрих. Тетя Агата! Как я рад вас видеть. Дорогой герцог и герцогиня, благодарю за прием.

Герцогиня. Прошу, прошу вас к столу, милый маркиз. Нам также весьма приятно, что вы удостоили нас визитом.

Герцог. Навещать свою тетушку – отрадное дело. Маркиза прогостит у нас это лето, так что, надеюсь, вы будете частым гостем в этом доме.

Герцогиня. Родственные связи так важны!

Генрих. Несомненно, но не важнее любовных.

Герцогиня. Ах, это говорит в вас молодость.

Маркиза Уинчестер. Мой дорогой племянник любит остроты, когда-то они его погубят. Впрочем, он действительно хороший молодой человек и так помогает своей тете!

Генрих. В остротах нет ничего дурного, тетя Агата. Без них речь кажется пресной. Лично я предпочитаю острые приправы как в речи, так и в пище.

Маркиза Уинчестер. С моим желудком такое не переварить! Ладно бы еще соль...

Генрих. Но мы говорим про остроты. Ум может быть либо острым, либо нет. Если не острить, а солить, то что же это будет за соленый ум? Так и до вяленого недалеко.

Элизабет. Ах, как вы забавны!

Мадлен. Вяленый ум! Это типа сушеного?

Генрих. Что-то среднее между сушеным и соленым. Знаете, такие блюда любят в Восточной Европе.

Герцог. От того то у них и не так развита наука.

Генрих. Ну что вы, с наукой у них все в порядке. Знаете ли, именно там открылись первые университеты в Европе, да и зародилась наша любимая парламентская монархия.

Герцог. Да было бы вам известно, дорогой маркиз, что все в мире зародилось в Англии.

Генрих. А как же Греция и Рим?

Герцог. Исключение.

Алисия (скромно). А мне нравится иностранная кухня. И острое.

Маркиза Уинчестер. Юным леди не пристало бы есть острую пищу и тем более любить иностранное.

Генрих. Я очень люблю турецкую пищу.

Алисия. Вы были в Турции?

Генрих. Бывал. С тех пор у меня на завтрак тосты с острой турецкой намазкой из томата и перца, а также сютлач. На обед предпочитаю кефте, а вечерами курю кальян.

Герцог. Чем же он лучше наших старых добрых сигар и трубок?

Генрих. Курится дольше и ароматы приятнее.

Герцог. Для меня нет ничего более приятного, чем ароматы британского табака, выращенного в наших колониях, набитого честными трудолюбивыми руками британских рабочих.

Маркиза Уинчестер. А наши старые добрые котлетки с пюре и рисовый пудинг намного лучше этой заграничной белиберды. И совсем не острые.

Герцогиня. Ну хватит. Как вы добрались, дорогой маркиз? Без происшествий?

Генрих. Практически. Поезд, конечно же, опоздал, да и по дороге случилась небольшая авария. Но в целом все прекрасно.

Герцог. У нас лучшие железные дороги в мире.

Генрих. Поговаривают, что в Германии еще лучше.

Герцог. У немцев ничего не может быть лучше, когда у нас такие натянутые отношения.

Генрих. Но какое же отношение имеют наши дипломатические связи к дорогам?

Герцог. Самое прямое. Или вы не патриот?

Генрих. О, нет. Отнюдь. По мне, лучше там, где хорошо, а хуже там, где плохо. Для меня не имеет значения в какой стране я родился. Люблю смотреть на мир в целом, не рисуя на карте границы карандашом.

Герцог. Не мыслимо. Попахивает каким-то анархизмом.

Генрих. Уверяю вас, герцог, от всех «измов» я крайне далек.

Герцог. Включая патриотизм и монархизм?

Генрих. И анархизм, социализм, атеизм...

Герцог. Хотя что-то!

Генрих. ... хотя в бога я не верю.

Женщины охают.

Герцог. Тогда вы атеист.

Генрих. О нет, совсем нет. Атеизм я отвергаю так же, как политическое течение. Не люблю, когда мне говорят во что я верить должен, а во что нет. Если завтра я захочу поверить в клуриконов, то почему бы и нет? Я не ограничиваю себя рамками и не ввязываюсь в какую-то секту, пусть даже ее учением является отсутствие веры.

Герцог. С вашими взглядами вы скорее поверите в валькирий.

Генрих. Клуриконы мне ближе, они всегда пьяны.

Герцог. Вот это по-нашему!

Генрих. Патриотизм – это тот же атеизм. Верь в свое Отечество и отвергай все остальное. Верь в то, что ты ни во что не веришь. В лучшие дороги или кухню в других странах. Верь, что есть хорошее только то, что ты видишь своими глазами, у себя в стране перед собой. А чего ты не видишь – то-

го нет. Если не любишь когда тебе навязывают во что верить и что почитать, то ты не можешь стать патриотом.

Мадлен. Ах, как тонко замечено!

Элизабет. Какой живой ум!

Алисия. Но не атеизм ли все отрицать? Атеист не поверит в бога, даже если увидит его своими глазами. Но поверите ли вы во что-то прекрасное в Англии, если вы так непатриотично настроены? Разве не это и есть атеизм?

Генрих. Что вы, мисс. Я люблю Англию за то, за что ее стоит любить. У нас есть много прекрасного. Я совсем не отрицаю это. Я всего лишь буду любить то, что того достойно. А если оно лучше в другой стране, то я буду любить это больше там.

Маркиза Уинчестер. Довольно. Эти разговоры плохо влияют на пищеварение.

Герцогиня. Кстати, скоро ужин. К нам должна заглянуть наша дочь Сесилия. С этим... прошу прощения... ее мужем.

Герцог. О, боже. Зачем его везде с собой таскать?

Герцогиня. Он же ее муж...

Маркиза Уинчестер. Именно это и делает его спутником невозможным в свете. Где это видано, чтобы замужняя женщина проводила время со своим супругом? Это просто неприлично!

Герцог. Да уж... был я тут у них дома на днях. Страшно признаться тебе, дорогая, но у нас был такой неприятный разговор с Сесилией...

Герцогиня. Что же случилось?

Герцог. Она его так защищала, что сложилось впечатление, что она его любит...

Герцогиня. Не может быть!

Герцог. Более того, я уверен, что у них даже присутствуют... кхм... супружеские отношения.

Герцогиня. Не верю! Наша дочь приличная девушка!

Герцог. Поверь, я заключил это из нашего с ней разговора.

Герцогиня. С этим сумасшедшим?

Герцог. Мне это противно ровно в той же степени, что и тебе, милая. Но это так. Полагаю, что он держит ее этими инстинктами...

Маркиза Уинчестер. Что за нравы у современной молодежи... Если бы у меня был супруг, я бы никогда не позволила ему таких вольностей.

Герцогиня. Любезнейшая подруга, он абсолютно невменяем. Пропавший человек. Скоро вы сами убедитесь.

Входит дворецкий.

Дворецкий. Герцогиня Сесилия Норфолк с супругом.

Входят Сесилия и ее муж Гасси. Оба скромные, садятся за стол.

Герцогиня. Как прошло твоё утро, дорогая?

Сесилия. За утреним туалетом и чтением, как обычно. Гасси писал все утро стихи, так что я смогла почитать интересную книгу нового французского автора.

Маркиза Уинчестер. Юная девушка читает французскую литературу? Как это странно. В вашем возрасте вряд ли стоит забивать голову этой пошлостью, у нас есть прекрасные британские авторы, которые не портят молодежь. А что за стихи пишет ваш супруг?

Герцогиня. Не стоит об этом.

Гасси. О, я пишу новаторские стихи и даже трактаты.

Маркиза Уинчестер. И в чем же ваше новаторство заключается?

Гасси. Не все их могут понять и принять. Лично я стою на той позиции, что не важно какого происхождения или национальности человек, важна лишь любовь и добрые чистые мотивы.

Маркиза Уинчестер. Какая глупость!

Сесилия. Милый, может не здесь?

Гасси. Вы знали, что во Франции негры могут так же, как и белые люди, участвовать в политической жизни, ходить в кружки и вступать в клубы?

Маркиза Уинчестер. Я не очень верю в негров. Их не видно в темноте, если они и есть, то наполовину. В дневное время суток.

Генрих. Но в темноте видны их зубы.

Маркиза Уинчестер. Зубы – это еще не человек.

Слуги вносят блюда с едой. Гасси благодарит их за услуги. Слуга роняет вилку на пол. Гасси поднимает ее.

Гасси. Благодарю, благодарю. Не стоит, я сам подниму, все в порядке.

Герцогиня. Любимый зять, совсем не обязательно благодарить слуг за их работу.

Гасси. Но как же! Они такие же люди, как мы. Даже больше! Они трудятся, в отличие от нас. Труд стоит уважения!

Маркиза Уинчестер. Труд удел тех, кому не повезло в жизни.

Генрих. Гасси, прошу позволения вас так называть, и принять мою дружбу, я с вами согласен.

Гасси. Позволяю!

Генрих. Весь наш британский сплин от двух вещей – погода и отсутствие дела, презрение к труду.

Гасси. Согласен с вами полностью!

Генрих (выпивая очередной бокал вина). Напротив, я согласен с собой лишь частично! Люди на юге тоже практически не работают. Но они веселы! Сплина там нет и в помине! В чем же дело? Они много пьют вина и занимаются любовью, в Англии это осуждают.

Гасси. Но и погода там получше.

Генрих. И погода. Но литература и общественные порядки! Немцы пишут о жизни и философии, французы о внут-

ренных метаниях и любви, мы, англичане, пишем о бедности, сырости, мраке и морали. Каждый пишет о том, чем живет его народ.

Алисия. А как же тесно это связано с погодой!

Генрих. Именно.

Маркиза Уинчестер. Ах, молодежь! Все смотрите куда-то через Канал! Вы лучше посмотрите чем закончил Байрон со своей любовью к южной загранице.

Мадлен. Маркиз, а правда, что вы чудно играете на фортепиано?

Генрих. Это преувеличение.

Элизабет. Прошу вас, маркиз, сыграйте нам.

Генрих садится за фортепиано и начинает играть.

Мадлен. Что за чудесная музыка!

Элизабет. Что это за произведение?

Генрих. Шопен.

Маркиза Уинчестер. Почему бы не сыграть Эдуарда Элгара?

Алисия. А чем же плох Шопен?

Маркиза Уинчестер. Но ведь есть Эдуард Элгар!

Герцогиня (тихо герцогу). Может он такой же безумный, как наш зять?

Герцог (тихо герцогине). Возможно.

Маркиза Уинчестер. Довольно заграничной музыки, у ме-

ня от нее болит голова.

Любезный (обращаясь к Гасси), почему вы совсем ничего не съели?

Гасси. О, простите, это все мясное. Я не ем мяса.

Маркиза Уинчестер. От чего же?

Гасси. Стараюсь не участвовать в истреблении лесов и животных, населяющих их. Мне кажется, в будущем люди не будут больше эксплуатировать природу и живых существ, а придут к гармонии с ними.

Маркиза Уинчестер (тихо герцогине). Вы правы, он безумен.

Маркиза Уинчестер (обращаясь к Гасси). Вам понравилась игра моего племянника?

Гасси. О да. Прекрасная поэтичная мелодия и такая скорость движения пальцев! Потрясающе!

Генрих. Благодарю.

Гасси. Но я думаю, что в будущем люди будут петь рифмованными речами под ритмичную музыку современных диких народов. Их барабаны, набаты – это те истоки, к которым мы вернемся со временем.

Герцогиня. Надеюсь, что нет.

Маркиза Уинчестер. Вы думаете, что человечество опустится до подражания дикарям?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.